

пожу тѣла нашего душу. Похожи на щеголя, пекушагося о сапогѣ, не о ногѣ. И не всѣмъ ли мы изобильны? Точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ: совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ колесъ; одной только души нашей не имѣемъ. Есть правда у насъ и душа, но таковая, какъ у подагрика ноги“. Такъ писалъ Г. С. въ письмѣ къ нѣкому Андрею Дорофеевичу. И въ письмѣ къ полк. Тевяшову онъ выразился не менѣе опредѣленно: „высокихъ фамилій люди не только въ тяжбахъ, войнахъ, коммерціяхъ, домо-строительствахъ, художествахъ, но и въ *самомъ первомъ пунктѣ*, сирѣчь, въ *мысляхъ до Бога касающихся*, должны находить истину“.

Замѣчается сходство между Г. С. Сковородой и Л. Н. Толстымъ и въ томъ, наконецъ, основномъ пунктѣ, что идеология того и другого не была приспособлена къ современной имъ дѣйствительности. Г. С. Сковороду очень цѣнили и уважали за его жизнь, за стремленіе къ правдѣ и истинѣ, но настоящихъ послѣдователей у него было не много; его практической идеаль нравственности христіанскаго общества былъ слишкомъ утопиченъ: современное общество было мало знакомо съ его сочиненіями—и онъ стоялъ сравнительно одинокимъ, оторваннымъ отъ существенныхъ интересовъ окружающаго общества. Но онъ былъ какъ бы олицетвореніемъ общественной совѣсти, живымъ укоромъ противъ увлеченія матеріальными благами. Тоже самое до нѣкоторой степени нужно сказать и о Л. Н. Толстомъ.

Говоря объ идейномъ наслѣдіи, оставляемомъ великимъ человѣкомъ своему народу и человѣчеству, необходимо различать два рода этихъ идей; однѣ изъ нихъ проникаютъ въ общественное сознаніе, входятъ въ наше право, въ наши нравы и привычки, иными словами, становятся культурно историческими факторами, общественнымъ убѣжденіемъ или правилами даже для тѣхъ, кто ихъ не раздѣляетъ; другія идеи, несмотря на свою высоту, а, можетъ быть именно вслѣдствіе своей высоты и неприспособленности къ живой дѣйствительности, къ слабости человѣческой природы, вслѣдствіе своей утопичности, хотя и ставятъ на недостигаемую высоту самаго выразителя ихъ, захватываютъ небольшой